

Мамара Навлечко

ВРЕМЯ ГРИГОРЯНА

...я жил в эту пору.
Жил в это время. В это.
А не в какое другое.
Всходили знамена его и знаменья.
Пылали проклятья его и скрижали...
Наверно, мы все-таки что-то сумели.
Наверно, мы все-таки что-то сказали...

Роберт Рождественский

В памяти людей стираются следы прошлого, забываются дела и проблемы более чем полувековой давности, уходят из жизни свидетели прошлых лет. Для молодых людей многое из прошлого кажется непонятным, странным, неинтересным. Не наполнены прежним смыслом слова: очередь, дефицит, наставник, пионер, комсомолец, коммунистическая партия, местком, партком, народный контроль, направление на работу и другие... Думается, что многие и не подозревают, как и почему на карте Казахстана, на полуострове Мангистау (Мангышлак), на берегу Каспийского моря появился новый город Актау (Шевченко).

В 1954 году на Мангышлаке начались настойчивые поиски урановой руды, проводившиеся сначала при помощи аэrorадиометрической разведки. На основании ее данных в 1956 году Кольцовской экспедицией была организована геологическая партия № 45 для производства геологоразведочных работ во впадине Карагие. Руководил ею опытный инженер-геолог А. И. Корневский. Геологи разбили палаточный лагерь на берегу Каспийского моря, на мысу Меловом.

В 1957 году был подготовлен доклад правительству о запасах урановой руды на месторождении «Меловое», и в высших эшелонах власти разгорались споры, стоит ли вкладывать огромные средства в его разработку. Сторонники освоения полуострова ссылались на мнения ученых о наличии там нефти, настаивали на строительстве опорного поселка для начала обживания новой перспективной территории. 7 августа 1958 года было принято судьбоносное для Мангышлака и для сотен тысяч человек Постановление ЦК КПСС № 900-419 об освоении полуострова Мангышлак, а уже 18 января 1959 года Постановлением Совета Министров СССР № 31-14 Министерству среднего машиностроения было предложено начать промышленное освоение месторождения «Меловое».

Если мысленно оглянуться в прошлое, кажется просто невероятным, что на месте палаточного поселка геологов вырос современный город Шевченко (в настоящее время Актау), были построены и введены в эксплуатацию промышленные предприятия. И все это не благодаря, а вопреки тяжелейшим природным условиям, ведь вокруг была только голая степь с ее змеями, скорпионами, фалангами, польнью, колючкой, солянкой, летней жарой, зимними морозами, пыльными бурями, морскими ветрами. На полуострове не было пресной воды, не было железной дороги, морских причалов – «только самолетом можно долететь». А для жизни людей и начала строительства на полуостров надо было доставить всё – и как можно быстрее.

В историю освоения Мангышлака навсегда вписано имя Рубена Арамаисовича Григоряна, столетие со дня рождения которого город Актау будет отмечать 24 ноября 2017 года. В книге «Золотые россыпи памяти» ему посвящена большая часть повествования под названием «Время Григоряна».

ЦАРЬ, БОГ И ВОИНСКИЙ НАЧАЛЬНИК

Как известно, любовь к начальству не в традициях нашего народа. Тем ценнее, удивительнее, радостнее исключение из этого грустного правила.

Мне не довелось работать рядом с Рубеном Арамаисовичем Григоряном, я не имела чести быть среди его знакомых, но услышала я о нем на второй день моего приезда в город.

В автобусе рядом со мной разговаривали двое мужчин:

– Когда твои приезжают? – полюбопытствовал один.

Второй в сердцах чертыхнулся:

– Теперь и не знаю, жена уже контейнер отправила, сидят на чемоданах, а моя квартира – тью-тью, улетает к другому. Что делать, не знаю...

– Ты че, друг, не знаешь?! Бери ноги в руки и беги, записывайся на прием к Григоряну. Он разберется!

– Кто такой Григорян? – спросила я у своего коллеги.

Мой товарищ посмотрел на меня с изумлением, потом осознал, что я новенькая, простил и ответил:

– Григорян – это все. Это царь, бог и воинский начальник. Так понятно?

Имя Рубена Арамаисовича Григоряна для людей старшего поколения, первопроходцев Мангышлака, как отсвет далекой зарницы, как заклинание, мысленно переносящее людей в Прошлое, в то сложное, неоднозначное Время, в котором были молодость, надежды, состоявшиеся судьбы, созидательный труд...

Память народная не придает большого значения тому, как называлась его должность и какими он награжден орденами. Он был ГРИГОРЯН, и этим было все сказано. Само это имя уже заключало в себе и должность, и награду. Поражает снайперская точность выбора его на эту роль, как будто его назначил не просто министр, а востребовало Время. Под руководством Григоряна осуществлялась программа освоения региона, он нужен был в это время и в этом месте, как мощный надежный проводник государственной воли, вздыбившей пустынный край. Он встал во главе дела и сумел сплотить возле себя людей, которые вместе с ним искали не личной выгоды, а общей победы, и труд для них действительно являлся делом чести, самовыражением личности. Эти нервные токи, эти устремления сверху донизу пронизывали сообщество работающих здесь людей, хотя далеко не каждый в повседневной, будничной жизни осознавал это в полной мере.

Он был государственный человек, руководитель милостью божьей, требовательный начальник для ближайшего окружения, радетель и заботник для рабочих – воплощение народного идеала, выраженного в короткой формуле: «Строг, но справедлив», ибо человеческая душа жаждет равенства, которое и выражается в справедливости. Все также понимали, что невозможно руководить людьми без строгости, которая предполагает ответственность, суровый спрос за исполнение порученного дела. Он обладал практически неограниченной властью и пользовался ею с достоинством и осторожностью. Железной своей волей он собрал воедино силу, знания, творческий потенциал подчиненных ему людей. Общими усилиями они построили промышленный комплекс и этот родной для всех нас город, в котором он был первым его Хозяином и лучшим его Работником.

ПАРАДНЫЙ ПОРТРЕТ

Рубен Арамаисович Григорян – Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, заслуженный горняк Казахской ССР, награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами Ленина, знаком «Шахтерская слава» I степени, медалями и почетными грамотами Верховного Совета Казахской ССР. Он неоднократно избирался депутатом областного и городского Советов депутатов трудящихся, депутатом Верховного Совета Казахской ССР, членом Гурьевского обкома КПК и кандидатом в члены ЦК КП Казахстана.

Он родился 24 ноября 1917 года в городе Карсе, бывшей Ереванской губернии, в семье врача-хирурга. «Ровесник революции», как писали о таких людях в газетах. Отец его, Арамаис Иванович, был из так называемых «разночинцев», окончил военно-медицинскую

академию в Петербурге, а мать происходила из старинного армянского княжеского рода Хасанджаловых. Семья была по тем временам достаточно состоятельной и очень интеллигентной. В Ереване у них был свой дом, в семье росли трое детей: две девочки – Карина и Седа и сын Рубен. Как было принято в интеллигентных семьях, детей учили музыке и французскому языку. Сестры избрали музыку своей профессией.

Мальчик учился отлично, все предметы в школе усваивал быстро, легко, затем перешел в горное училище, что-то вроде рабфака, и окончил его в 16 лет. Отец рано скончался, и семья оказалась в сложном материальном положении. Юный, шестнадцатилетний, как теперь принято говорить – подросток, он уже сам принял судьбоносное решение – получить высшее образование в Москве. Он приехал в Москву, подал документы сразу в несколько московских вузов и успешно сдал приемные экзамены во все институты. Вполне возможно, что он выбрал Московский горный институт по причине более значительной стипендии, ведь ни на чью помощь он не мог рассчитывать. Жил в общезитии, приходилось ему и подрабатывать.

Институт он окончил в 1940 году и был направлен в город Мончегорск Мурманской области на комбинат «Североникель», где за год поднялся с должности горного мастера до начальника участка. В начале войны, в июле 1941 года, в связи с эвакуацией комбината был направлен на Дальний Восток в Амурскую область, где трудился в должности начальника смены, начальника участка, начальника рудника и стал заместителем начальника рудоуправления. Впоследствии ему довелось работать в Германии, в Чехословакии, в Украине. В феврале 1961 года, в возрасте 43 лет, он был направлен на Мангышлак, где возглавил Управление строительства, совмещаю это с должностью директора комбината и командира военно-строительной части. Он становится «общим директором».

НОВОЕ НАЧАЛЬСТВО

Он прилетел на Мангышлак, молодежавый, энергичный человек выше среднего роста, плотного телосложения, темноволосый, с внимательными, слегка выпуклыми карими глазами. Армянин, но говорит по-русски правильно с едва уловимым армянским акцентом, не сыплет словами, словно медяками, а произносит их неторопливо и весомо. Эта неторопливость и легкий акцент придавали его словам особую значимость, некую даже афористичность. Кто-то не сразу запомнил имя Рубен Арамаисович, боялись ошибиться. Секретарь, Тамара Константиновна, даже написала его отчество чернилами на ладони и каждый раз при входе в кабинет шефа незаметно, как ей казалось, взглядывала на ладонь. Но он заметил и спросил:

– В чем дело, почему вы постоянно смотрите на ладонь?

Она ответила честно, что не может запомнить его отчество и опасается ошибиться.

Он усмехнулся и сказал:

– Если это так трудно, зовите меня просто Рубен.

Отчество как-то сразу запомнилось.

Конечно, ему было нелегко – новое место работы, новые заботы, новые условия, новые люди и узел проблем, который невозможно разрубить, а нужно распутывать и развязывать. И за какой конец ни потянешь – есть опасность, что узел затянется еще туже. Фактически это было хотя и не объявленное официально, но чрезвычайное положение – когда один человек отвечает за все. И сверху, и снизу ждали от него действий. А перед ним стояли три основные задачи – жилье, вода, электроэнергия. Три кита, на которых должна была опираться здешняя жизнь. Без этих трех составляющих она была невозможна. Рубен Арамаисович знакомился с людьми, разговаривал лично, оценивал вначале интуитивно их деловые качества, затем проверял в деле.

Вскоре и у людей сложилось впечатление от нового директора. Этот человек имел право приказывать не только из-за своей должности, но и в силу своей личности. Он обладал безоговорочной волей, которой естественно было подчиниться, он был ведущим, который знал дорогу, и за ним хотелось идти. И дальнейшая работа, общение с ним только подтвердила это первое впечатление. Все, кто попадал в поле его личности – взгляда, улыбки, брошенного вскользь замечания или шутки, не говоря уже о прямом приказе, – это ощущали. Казалось просто невозможным, даже неприличным – не выполнить его указания или небрежно к этому отнестись.

Работали, как на военном положении. Работа на объектах строительства ведется в четыре смены. В семь-восемь-девять часов вечера проходили общие оперативки или совещания – то по руднику, то по благоустройству города, по жилищному и промышленному строительству. Ему докладывали, что сделано за день, какие задачи на завтра, какие первоочередные проблемы, как их разрешить. По заведенному графику все говорили по очереди, спорили, пикировались. Григорян слушал всех, сидел молча, подпирая мощную крупную голову рукой, полуприкрыв глаза тяжелыми веками. Можно было подумать, что он дремлет, но в голове у него словно неустанно работал мощный компьютер: получая все новые и новые данные, он принимал их к сведению, сопоставлял, оценивал, и когда все выговаривались, выдавал решение. Не будучи строителем по профессии, выслушав спорщиков, он интуитивно находил правильное направление приложения сил.

День начинался с того, что Рубен Арамаисович почти всегда либо пешком обходил поселок, либо объезжал. Конечно, сразу же обратил внимание, что нет в нем чистоты и порядка, а порядок, даже внешний, людей дисциплинирует и, конечно же, влияет на общее настроение. В поселке регулярно стали проводить декадни, воскресники чистоты и порядка, он жестко спрашивал с руководителей предприятий и организаций за санитарное состояние поселка и строительных площадок.

Невозможно перечислить все, что было сделано за те девять лет его работы на Мангышлаке, которые называют «Время Григоряна». Назовем только самое главное. На Мангышлаке построены ТЭЦ-12, обогатительная фабрика, комплекс сооружений морского порта и передача его в ведение ММФ СССР, железная дорога Макат – Мангышлак. Построены школы, детские комбинаты, два кинотеатра. Вступила в строй уникальная, единственная в мире установка по опреснению морской воды. Шевченко стал единственным в мире городом, население которого употребляет искусственно приготовленную воду. Введены в строй магистральный водовод питьевой воды, сборные водоводы со скважин. Введен в эксплуатацию газопровод Жетыбай – Шевченко. Сданы в эксплуатацию гостиница «Актау», Дворец культуры имени Абая, хлебозавод, молокозавод, столовые и кафе, построены жилые микрорайоны. Начали выпускать продукцию химические заводы. На руднике освоены немецкие горно-вскрышные комплексы ЮГ-I и ЮГ-II.

Сколько ни делается на площадке по строительству, монтажу, вводу в эксплуатацию, получению продукции, ремонту – все мало-мало-мало, все медленно, все недостаточно, потому что еще нужней, еще быстрее – давай-давай-давай! И это время называют временем застоя?! На Мангышлаке не было застоя в становлении и развитии Прикаспийского горно-металлургического комбината. ПГМК определял темп и ритм жизни города и других предприятий Мангышлака. И все это проходило через ум, сердце, нервы этого человека – Рубена Арамаисовича Григоряна.

ВЕЛИКОЕ ОЗЕЛЕНЕНИЕ

Однажды Григорян сказал фразу, которая сразу стала крылатой: «На Мангышлак можно привезти все, кроме тени деревьев». Редкие дни в поселке выпадали без пыльных бурь. Спасаясь от несущихся пылевых вихрей, женщины и девочки надевали на голову и закрывали лицо газовыми прозрачными косынками – все-таки какая-то защита. Вспоминают женщины: выпустишь ребенка погулять, поднимется буря – мать выбегает, а малыша не сразу и сыщешь в этой круговерти. И что же, так будет всегда?! Полагали, что спасение в посадке деревьев и кустарников – создании защитного зеленого пояса. К сожалению, посадка деревьев в будущем парке не дала ощутимых результатов, многие саженцы погибли не только от верблюдов, а от жары и вообще непонятно от чего. Не при-

нялись – и все тут. Например, саженцы кленов гибли сразу. В основном выстоял карагач. К посадке деревьев не было научного подхода, с чего начинать, какие породы деревьев сажать? За помощью Р. А. Григорян обратился в Казахскую Академию наук – возможно ли в принципе озеленение нового поселка? Что может расти в местных условиях? Запрос попал в существующий при Академии институт ботаники, который отозвался на просьбу о помощи. И уже ранней весной 1961 года (пропустить весну – потерять год) в поселок прибыла совместная экспедиция института ботаники и института земледелия во главе с заведующим отделом интродукции и акклиматизации растений В. В. Романовичем. В его десантном отряде было десять молодых девушек-сотрудниц. Шутили, конечно – «десять

Город Шевченко – Актау. 1970 год

девок, один я». Прилетели они из Алма-Аты на специальном самолете и не с пустыми руками, привезли около ста пятидесяти разных саженцев и семена различных растений. Все саженцы и сорта растений нужно испытать в новых климатических условиях в том возрасте, когда энергия молодого организма помогает приспособиться к тяжелым условиям жизни. И если такие растения пройдут успешные испытания в питомнике, можно и нужно их размножить и сажать в этой местности. Сотрудники ботанических садов Караганды и Джезказгана посоветовали начинать с тамарикса, зимостойкого лоха и дикого тополя – туранга.

В 1963 году уже выяснилось, что деревья, кустарники, травы здесь растут, определенных сорта, конечно. Люди стали привозить свои саженцы и сажать возле домов виноград, деревья, и стало понятно, что надо организовать в городе свой производственный участок озеленения. Сначала был заложен питомник, где участок занимался разведением самой разной растительности и решались непосредственно производственные вопросы озеленения города. А научной работой уже занималась Алма-Атинская экспедиция. Позднее на ее основе был организован ботанический сад Академии наук Казахстана. Начальником участка озеленения стала Алиса Алексеевна Пнева, прилетевшая в город с первым «зеленым» десантом. Участок озеленения постоянно был на контроле у Григоря-

на, и она на планерках подробно докладывала ему об успехах, потерях, нуждах и прочем. То водовозки выделяют не вовремя, то солдаты нужны для работы, то деньги необходимы – надо ехать за посадочным материалом. И это наравне с вопросами строительства самых срочных объектов – таким важным делом считалось озеленение города. Прошло несколько лет, и однажды на планерке Григорян суровым и значительным голосом произнес: «Я сегодня получил одну очень серьезную жалобу...» Все присутствующие замерли, над чьей головой гром грянет?.. А он уже не мог сдержать улыбки и продолжал: «Это самая приятная жалоба из всех, какие я когда-либо получал. Пишет человек, что у него в квартире практически не бывает солнца, потому что солнечный свет ему закрывают деревья!» И засмеялся, довольный, громко и счастливо, и все засмеялись тоже. Вот она, пришла на Мангышлак тень деревьев! И не только тень. Как-то неожиданно обнаружилось, что по утрам в городе щебечут птицы, чирикают воробьи, кто-то видел красавца-удода, где-то закуковала кукушка... и кусаются комары – ничего не поделаешь, жизнь есть жизнь! В те годы у горожан сложилось бережное, трепетное отношение к деревьям, кустарникам, травам. Я, автор этих строк, летом 1969 года видела, как молодой отец, подхватил на руки малыша, свернувшего с дорожки на газон, приговаривая: «Нельзя травку ножками топтать, травка расти не будет!»

РАССКАЗЫ О ГРИГОРЯНЕ

При Григоряне действительно стал расти город, при нем утверждались принципы социальной справедливости. И он сам, и его семья были первым примером соблюдения этих принципов. Возможно, это было даже немного наивно, но Григорян этому правилу следовал. Этому способствовало и его личное душевное устройство, и забота о своем добром имени. Сейчас сказали бы – «имидже». О самом Григоряне и его семье вспоминают разные истории, и это уже похоже на мифотворчество. Но эти истории и мифы всегда позитивны.

Он говорил: «Бог создал Мангышлак. Земля тут соленая, море холодное, солнце жгучее. Нам нужно построить такой город, чтобы люди тут жили и нам спасибо говорили. Я вчера в Махачкале встретил одного нашего бывшего работника, который буквально засыпал нас письмами с просьбой приехать сюда работать. Мы дали согласие. Но после первой же пыльной бури он панически бежал и, конечно же, не ожидал со мною встретиться в Махачкале. Действительно, ведь природа наш край изрядно обидела. Все, что могла природа сделать плохого на земле, она в этом крае сделала, даже море дала такое, что купаться нельзя – вода холодная.

Наша задача – сделать пластическую операцию этой природе, изменить лицо этой природы и сделать все зависящее от нас, чтобы создать все необходимое для людей. Этому нас обязывает партия, наше родное правительство, интересы нашей Родины».

***

12 апреля 1961 года – полет Юрия Гагарина, великое событие преодоления человеком земного притяжения. На Мангышлаке день был ясный, солнечный, репродуктор голосом Левитана сообщил о великом событии. Новость мгновенно облетела всех, людей охватывало ликование, радость, чувство гордости за страну – вот мы, Советский Союз – мы это сделали! И мир подхватил эту радость, было-было это подсознательное чувство единения – мы, человечество, это сделали!

На вечерней оперативке все улыбались, чувствовали себя празднично, и Григорян был как-то более снисходителен, словно не хотел никому портить праздник. Он поздравил всех с этим знаменательным событием. И кто-то сказал: «Теперь надо на Луну лететь!» На что Григорян отозвался: «Пусть летят к нам! У нас тоже, как на Луне, – пылица, пески, скалы и ни воды, ни еды, ни зелени!»

***

В те времена на улице Пионерской был единственный магазин, у которого заранее собирались женщины. Стояли в очереди, ждали, когда самолет прилетит, чтобы купить доставленные им продукты.

Подходит к очереди жена Григоряна. Женщины говорят:

– Проходите, Раиса Павловна, мы вас пропускаем без очереди!

– Что вы! Да мне интересно вместе с вами постоять, поговорить, новости узнать...

Так никогда и не брала ничего без очереди или с черного хода. И не было такого, чтобы Григоряну на квартиру тайно привезли что-то такое особенное, он этого не позволял. Они берегли свое честное имя. Что всем положено, то и ему. Присмотрелись и к детям – хорошие мальчики, вежливые. Одевали их просто, как всех.

Как-то работница ОРСа встретила их мать:

– Раиса Павловна, есть плащ болоньевый, как раз на вашего старшего сына, возьмите, примерьте.

– Что вы! Ему четырнадцать лет только, куда ему болоньевый плащ!.. Да и отец заругает...

– И для вас, Раиса Павловна, кое-что найдется.

– Нет-нет. МНЕ – НЕЛЬЗЯ...

***

Однажды, вернувшись с работы, Григорян увидел у себя дома пианино. Зная, что на товары имеются списки очередности и каков номер очереди на эти товары его семьи, он тут же, чуть ли не в полночь вызвал к себе людей, распорядившихся распределением дефицитных товаров, и устроил им разнос:

– Почему Дубинкиной (Дубинкина – девичья фамилия жены Григоряна) пианино? Ее очередь подошла? Немедленно отнесите пианино тому, кто по очереди должен его выкупить.

Так и пришлось пианино выносить из квартиры директора.

***

Однажды младший сын Григоряна, его называли Андрейка, упал в канализационный люк и сильно поранил ногу, напоровшись на штырь. Конечно, переполоху было много, и даже не только потому, что это был сын директора: люки по правилам техники безопасности должны быть закрыты. Андрейку привезли в больницу, которая тогда располагалась в брус-доме. Руководитель медсанчасти К. И. Ветелкин положил мальчика в отдельную палату.

Кто-то из знакомых сразу предупредил Ветелкина:

– Влетит тебе, Костя, если Григорян это увидит...

– Не могу же я положить мальчика вместе со взрослыми!

А вечером Григорян пришел в больницу. Дело было летом, духота везде невыносимая. О кондиционерах тогда не было и речи. Все палаты были открыты, в каждой по четыре-пять человек. Рубен Арамаисович многих рабочих знал лично, конечно же, общался с больными, спрашивал, в чем нуждаются. И вдруг дошел до палаты, где в одиночестве лежал его сын. Глаза Григоряна, и так огромные, навывкате, казались, стали еще больше. От ярости он только и мог выкрикивать одно слово: «Где?! Где?!» Он искал того, кто устроил его сына таким образом.

Напустился на Ветелкина:

– Ты сына Григоряна лечишь?! Сын Григоряна хулиганил и залез, куда не положено. И ему за это отдельную палату?! А шахтер, которому завтра в забой, должен задыхаться?! Немедленно перевести мальчишку в общую палату!

***

Приехала издалека в поселок к мужу женщина с ребенком, а муж уже сбежал – рассчитался и уехал, и оказалась молодая женщина в незнакомом страшном месте, практически без денег, без знакомых, без крыши над головой. И муж ее предал, и назад не уехать. Хоть в море бросайся. Ходила она, ходила по поселку в слезах и к вечеру совершенно случайно присела отдохнуть на скамеечку возле дома Григоряна. В это время шла с работы Раиса Павловна. Увидела она заплаканную женщину, присела рядом, стала спрашивать, что у нее за горе. Та рассказала, и Раиса Павловна пригласила ее к себе домой, напоила, накормила ее и ребенка. Позднее пришел сам Григорян, поздоровался, поинтересовался, что за гостя. Жена рассказала. Григорян тут же по-

звонил, устроили женщину в общежитие, дали ей работу, а ребенка определили в ясли. Вот так вот...

* * *

Через какое-то время, когда построили новые каменные двухэтажные дома, семья Григоряна переселилась в один из них в двухкомнатную квартиру, как было положено по норме для всех. Одна комната для родителей, одна для детей одинакового пола (в семье двое сыновей).

Ему советовали:

– Рубен Арамаисович, возьмите себе хорошую большую квартиру, вам же тесно, неудобно!

Он отвечал:

– Если я перееду в лучшую, чем мне положено, квартиру, представляю, какие хоромы понастроят себе некоторые из вас. НЕЛЬЗЯ!

* * *

Он никогда не ставил перед людьми невыполнимую задачу, но если уж она поставлена, требовал выполнения точно и в срок. Конечно, его побаивались, как всякое начальство, – но его глубоко уважали, гордились его расположением, уважением и боялись это потерять. Он не терпел расхлябанности, халатности, обмана. Он не любил болтунов и сплетников, о таких говорил: «У него черный рот», или просто называл «черноротым». К таким людям он терял интерес и избавлялся от них. За преданность делу, неистовство в работе мог прощать многие слабости. Он был мудрым человеком и ни от кого не требовал невозможного.

Был и такой случай. По рекомендации людей, которым он доверял, пригласили одного человека на достаточно ответственную должность. Пришел он на прием к Григоряну утром и был явно «после вчерашнего», наверное, отмечал с друзьями приезд.

Григорян поговорил с ним по делу, был удовлетворен толковыми ответами, а под конец разговора спросил:

– Ну, а как вы насчет спиртного? Употребляете?

– Ни в коем случае, даже в рот не беру! – струхнул собеседник.

– Ну-у-у! – разочарованно протянул Григорян. – Нам такие не нужны, которые совсем в рот не берут!

– Ну, разве что... совсем немножко... иногда... по случаю, или в праздник ...

– Ну, если только по случаю, тогда нормально! – И подписал заявление о приеме на работу. А когда тот вышел, расхохотался, повторяя: – Ну, если немного и по случаю – тогда другое дело!

* * *

Было заведено правило – сначала строить жилье, а потом приглашать специалистов. Но хотя и строили очень много – не успевали с жильем, поэтому ждать квартиру приходилось около трех месяцев. Один молодой экскаваторщик, который приехал по вызову, ждать три месяца никак не мог, такие у него были особые, деликатные причины. Человек молодой и застенчивый, он пришел на прием к Григоряну, сел напротив и стал что-то мямлить про то, что ему срочно нужна квартира. Григорян слушал молча, смотрел бумаги на столе, а когда посетитель замолчал, поднял свои огромные выпуклые армянские глаза и посмотрел ему не в глаза – нет! – заглянул в ту самую тайную, неприкасаемую, трепещущую часть существа, куда и сам-то боишься заглянуть, а не то что впустить другого. Парню показалось, что Григорян понял про него и про жену все – все взвесил и все оценил.

И спросил со своей неподражаемой интонацией:

– Ты сюда приехал НАВСЕГДА?

– Да... – только и мог пролепетать тот.

– Дать ему квартиру! – распорядился Григорян.

* * *

Он уважительно относился к любому человеку. Однажды уже в девять часов вечера молодому работнику цеха связи Николаю Ибатулину позвонил начальник и сказал:

– Иди сейчас на квартиру Григоряна и исправь ему телефон.

Молодой человек позвонил в квартиру, ему открыл сам хозяин, которого он прежде видел только издали. Даже заробел немного. А Григорян ему говорит: «Извините, что вызываю вас в нерабочее время. У меня не работает телефон, а мне надо срочно позвонить в Ереван». Осмотрев аппарат на месте и не обнаружив повреждения, связист поднялся на чердак.

Через несколько минут к нему присоединился старший сын Григоряна, Борис и объяснил:

– Отец прислал меня, чтобы я посветил фонариком!

Через некоторое время нашли повреждение, связь была восстановлена.

Когда связист уходил, Григорян спросил его:

– Как вас зовут?

– Коля... – отозвался молодой человек.

– Коля, еще раз прошу меня извинить, очень срочное у меня дело!

Николай смутился и сказал, что это его работа. А Раиса Павловна предложила выпить с ними вечерний чай. Он поблагодарил, отказался.

Кажется, ничего особенного. А это воспоминание осталось в душе человека на всю жизнь. Не было у Григоряна никакой начальственной спеси, только глубоко уважительное отношение к рабочему человеку. Но он не терпел панибратства и, несмотря на свою доступность, человечность, всегда держал между собой и людьми невидимую дистанцию, которая охраняет человеческую личность.

* * *

Рубен Арамаисович во всех отношениях был тем, кого называют настоящим мужчиной. Женщины чувствовали эту исходящую от него теплую ласковую силу – энергию мужской заботы и покровительства. Перед каждым большим праздником он обходил с поздравлениями все кабинеты управления и с особенной теплотой делал это накануне Восьмого марта.

* * *

Однажды перед Новым годом был составлен и утвержден список на получение жилья. После праздников пришли, посмотрели, а список откорректирован рукой самого Григоряна. Три фамилии изменены.

– Как же так, Рубен Арамаисович?!

– Понимаете... пришли ко мне три женщины, залились слезами. В семьях проблемы. Женские слезы, да еще под Новый год – этого мне не перенести. Этим трем людям, фамилии которых вычеркнуты, дадим в первую очередь. Я обещаю...

* * *

Он хотел каждому ребенку дать место в детском комбинате и на возражения, что, мол, нарушаются нормы, говорил: «Придет время, и во всем у нас будет норма – и в работе, и в отдыхе, и в детском садике. А сейчас дети не должны быть без присмотра. Что, вам пола не хватает? Потолка?»

Говорят, что еще во время работы на Украине он узнал на оперативке, что тяжело болен ребенок одного рабочего. Им лично были приняты срочные меры – из Москвы самолетом был доставлен профессор и проведено квалифицированное лечение. По его распоряжению ослабленным детям в первую очередь выделялись путевки в санатории и на курорты.

* * *

Однажды к нему, как депутату районного Совета, пришла на прием женщина из поселка Акшукур. Пришла в прямом смысле слова – пешком пятнадцать километров. Он ее принял. Разобрался в ее проблеме, обещал помочь. Потом вызвал транспортника и распорядился: «Отправьте ее домой на моей персональной машине. Подумать только – пешком пришла!»

Как это было заведено у Григоряна, не откладывая дела в долгий ящик, он вскоре помог этой женщине-вдове с работой, устройством детей в садик и с жильем.

* * *

Он понимал, что прежде чем получить – надо отдать. Прежде чем требовать работу, надо человека напоить, накормить, дать ему крышу над головой. Поэтому уделял огромное внимание быту людей, успевал вникать во все, даже в мелочи. Он разговаривал с рабочими, заходил в школу, в детские сады, сам пробовал еду, которой кормили в столовых. Ему невозможно было, как говорили, «повесить лапшу на уши». Он не полагался полностью на доклады своих помощников, время от времени все проверял сам.

Вот какую историю рассказал единственный свидетель одного происшествия.

На ТЭЦ открыли столовую. В первый день было много хлопот, и заведующий, армянин по национальности, в суете забыл заказать контейнер для отходов. После обеда уборщица собрала остатки гарниров, супов в два ведра и, не видя контейнера, не нашла ничего лучшего, как свалить эти остатки в кучу на асфальте у черного хода. И вдруг к заведующему и его производственному шефу прибежал человек: «Григорян зовет!» Они выскочили на улицу, а возле этой кучи отходов стоит расшвырявшийся Григорян. Он полыхнул по ним взглядом и что-то резкое сказал по-армянски заведующему, отчего тот изменился в лице, а потом добавил по-русски: «Становись на колени и ешь!»

Потом резко повернулся, сел в машину и уехал. Должно быть, тяжело ему было видеть это оскорбление еды и поношение чистоты и порядка. Конечно, никто на колени не становился, но эта столовая больше никогда не получала от Григоряна никаких замечаний.

* * *

Летом он часто со всей семьей отдыхал на пляже, на берегу возле первого микрорайона. Пляж тогда был необыкновенно чистым, с кабинками для переодевания, с душевыми на технической воде. Если он срочно был нужен, диспетчера знали, где его искать.

* * *

Он был трудоголиком и за девять лет практически не отдыхал по-настоящему. Ему говорили: «Возьмите путевку, Рубен Арамаисович, поезжайте в санаторий, отдохнете, подлечитесь». Он отвечал: «Разве это жизнь, когда нет работы? Нет, я так не могу...»

* * *

Григорян бы человеком остроумным, любил и умел пошутить. Однажды один из руководителей, человек деловой и толковый, но любивший покрасоваться, пришел на оперативку с двумя «поплавками» – значками об окончании двух вузов.

Рубен Арамаисович это заметил, улыбнулся и сказал:

– Товарищи! Уступите ему дорогу. Сюда-сюда пройдите, садитесь рядом со мной. Окончить два вуза – это не пустяк, товарищи!

Все засмеялись. Больше этот человек никогда не надевал ни одного значка.

* * *

Ближайший его сотрудник, назовем его Н. Н., был невероятно худым человеком. Про таких говорят – «кожа да кости». Рубен Арамаисович часто подтрунивал над ним и говорил: «Наш Н. Н. днем работает, как все, а вечером подрабатывает в школе рабочей молодежи скелетом на уроках анатомии».

Когда он вел прием посетителей, Н. Н. всегда сидел рядом с ним. Григорян говорил: «Это я специально так делаю. Придет рабочий, посмотрит на меня и подумает – вот, мол, начальство-то какую ряху наело! А потом посмотрит на Н. Н. и посомнеается: «Не все, однако, наели! Нервная, видать, у начальства работа!..»

* * *

В еде он был непривередлив, не доставлял жене много хлопот. Да и некогда ей было особенно «разготавливать». Сама целый день на работе, детьми надо заняться, белье постирать, погладить. Вставала она в шесть часов утра, готовила завтрак, надо накормить семью. Будить мужа было не надо – просыпался сам, завтракал, пил чай. Любил чешскую кулинарию: кнедлики, блюдо из стручков фасоли, но и украинский борщ, казахский бешбармак. Любил макарон, шутил: «Я так много ем макарон, что скоро, наверное, заговорю по-итальянски».

* * *

Людей никогда не делил по национальности, отличал только по деловым качествам, но сам осознавал себя армянином, и это у него прорывалось почти в шутку: «Все очень вкусно – и борщ, и бешбармак, но лучше армянского коньяка ничего нет!» Накануне футбольного матча спрашивал у капитана команды Мартика Гукасяна: «Ну что, мои армяне сегодня играют?»

Анна Григорьевна Морозова вспоминает, что на свой сорокалетний юбилей пригласила к себе домой и чету Григорянов. Среди гостей была учительница химии Седа Хачатуровна Баграмян. Она хорошо пела и за столом запела известную армянскую песню «О, красавица!» Это была любимая песня Григоряна.

Он слушал, чуть прикрыв глаза, как-то беззащитно, по-доброму улыбаясь. А песня проникновенно звучала на армянском. И когда она закончила, все гости, не сдержавшись, зааплодировали, в том числе и растроганный Григорян, а через некоторое время он снова попросил: «Седа, спой еще раз, для меня!» И она снова пела негромко и задушевно.

Он понимал свою должность, как производное от слова ДОЛГ, и оплачивал его сполна. Вставал рано, как жаворонок, а ложился поздно, как сова. А когда спал, ему снились сны про работу. Когда он успевал читать – непонятно, но читал. Был в курсе литературных новинок и проявлял себя в разговоре разносторонне эрудированным человеком.

ГРИГОРЯН В МОСКВЕ

К концу 1969 года практически все основные заводы химического производства на Мангышлаке были построены, начиналось сумасшедшее время их пуска в эксплуатацию. Для Рубена Арамаисовича это было уже и не по специальности, и не по здоровью. В свое время главный инженер АТЗ А. К. Денисов объяснил ему, что в любой момент на азотно-туковом заводе может произойти взрыв, потому что в технологиях предприятия применяется водород, который взрывоопасен в очень широких пределах концентрации. Рубен Арамаисович помолчал, подумал, покачал головой и сказал: «Когда я работал на шахте, где был тротил, я понимал, когда он взорвется. А здесь я не понимаю...»

Рассказывают, министр Е. П. Славский хотел, чтобы Григорян еще поработал на этом месте, и вроде бы сам Григорян колебался, но на отъезде настаивала Раиса Павловна. Работа работой, а здоровье мужа дороже.

Не только жена, но он уже и сам понимал, что устал. Здоровье надо было поберечь, о чем, конечно, в первую очередь хлопотала жена. Да и сыновья подросли, скоро в институты поступать. По-житейски рассуждая, все произошло в свое время, и все правильно.

Перевод Рубена Арамаисовича в Москву можно было рассматривать как повышение по службе. Как там у Чехова: «В Москву! В Москву!» Он был переведен в Москву в институт теоретической и экспериментальной физики на должность заместителя директора по общим вопросам и строительству.

На проводах Рубена Арамаисовича в актовом зале управления ПГМК набилось много народу – яблоку негде упасть. Он сидел за столом президиума рядом со своим преемником Ю. А. Корейшо, выглядел несколько смущенным, волновался, но старался не показать своего волнения. Да и как тут быть спокойным – девять лет жизни отдано Мангышлаку! И каких лет! Оглянуться мысленно, что здесь было, и что стало! Он приехал сюда в 43 года, а уезжает в 52 – это был особенный возраст, когда все обретенные к этому времени качества: мудрость, жизненный опыт, искусство управления людьми, ответственность и смелость в принятии решений, его личные силы – человека, мужчины, руководителя были вложены в дело. Люди: соратники, пришедшие проводить его, строители, монтажники, горняки, химики-технологи – выступали с прочувствованными речами, говорили слова благодарности и уважения. Группа авторского надзора Ленинградского проектного института несколько сбила пафос выступлений своими шутивными сюрпризами. Главный архитектор проекта М. И. Левин зачитал шуточные приветственные телеграммы, адресованные Григоряну якобы от имени близких людей директора. Он же повесил на шею Рубена Арамаисовича самодельный Орден Пустынника I степени на ленте. Накануне, взяв за образец российские дореволюционные ордена, целый день его изобретала, клеила, раскрашивала А. И. Солодовникова. Орден получился на славу и вызвал бурю восторга у присутствующих, никак не меньшую, чем встретили бы и настоящую награду.

И это было пусть шутовское, веселое, но признание народом особенных, личных, ни с кем не сравнимых заслуг этого необыкновенного человека.

Вспоминая его, кто-то сказал: «Григорян был честным человеком, богатства себе не нажил! С одним чемоданом приехал, с одним чемоданом уехал!» Люди все видят и все понимают, скрыть что-либо невозможно.

В Москве семье Григорянов выделили обычную трехкомнатную квартиру на улице Вавилова, недалеко от места работы. Институт размещался в бывшей усадьбе князей Прозоровских, затем принадлежавшей одному из Голицыных. Это был красивый барский особняк со всеми службами, конюшнями, флигелями. Территория института занимала эту бывшую барскую усадьбу, всего около 40 гектаров земли. Для научных физических экспериментов на этой территории были построены атомный реактор и ускоритель.

Конечно, это был гораздо меньший масштаб деятельности, чем в Шевченко, даже сравнивать невозможно. Но и там Рубен Арамаисович вскоре завоевал уважение людей и сослуживцев. Ученые-физики, доктора наук, академики, приходили к нему за решением своих насущных вопросов, договаривались о заказах нового оборудования, строительстве необходимых установок. Даже сложилась такая поговорка: «Институт Шевило, где директором Григорян!»

П. С. Сидоров, ближайший помощник и единомышленник Григоряна, тоже уехал в Москву и в 1974 году был переведен в тот же институт заместителем директора по кадрам. Однажды он зашел в кабинет Григоряна, когда тот проводил оперативку с физиками по вопросу ускорителя. Поговорили, что-то решили, уточнили детали, разошлись. Петр Сергеевич спросил, как он с этим справляется, это же совсем другое направление деятельности: «Вы же не физик, Рубен Арамаисович, как вам удастся проводить совещание по ускорителю?» На что Григорян, усмехнувшись, ответил: «Эти ученые такое нафантазируют! Просто летают и парят в мыслях, а то, что задумали, просто невозможно сделать. Вот я их потихоньку приземляю... Сажаю на реальную почву!»

Работали они с Рубеном Арамаисовичем в одном здании: у Григоряна кабинет был на втором этаже, у Сидорова на первом. Связывала их личная человеческая симпатия, чувство дружбы и доверия. И, конечно же, – бывшая работа в Шевченко. Бывшие соратники всех специальностей, кто приезжал в Москву из Шевченко, приходили на квартиру к Григоряну, как верующие в Мекку. И все рассказывали, что сейчас делается в Шевченко, в каком состоянии комбинат.

Григорян знал все новости о Шевченко. Рассказывали про шевченковские дела, конечно, каждый по-своему, пристрастно, зачастую это были противоречивые сведения, но Григорян был хорошим аналитиком и всегда умел составить для себя реальную картину происходящего. Довольно часто утро начиналось с того, что Григорян приглашал Петра Сергеевича к себе и рассказывал новости о Шевченко. Даже Новый год в семьях Григорянов и Сидоровых встречали дважды: сначала по шевченковскому, затем по московскому времени. Врос в них навсегда этот Шевченко, остался не только в памяти, а вошел в плоть, кровь и в душу.

Как-то Петр Сергеевич стал замечать, что Григорян куда-то уезжает после обеда, отсутствует несколько часов, и пошутил, мол, не на любовное ли свидание так таинственно уезжает его старший друг? Рубен Арамаисович неожиданно смутился и признался, что ездит он в студию к скульптору Николаю Никогосяну и позирует ему для скульптурного портрета. Известно, что разбросанные по всему миру армяне – очень дружный народ. И везде они объединяются официально или неофициально в армянские диаспоры. Была такая и в Москве. Приезд в Москву Григоряна не остался без внимания московских армян. Однажды его познакомили со знаменитым скульптором Николаем Никогосяном. Когда тот увидел Григоряна, его лицо, лоб, голову, спокойный и мудрый взгляд, он тут же загорелся идеей сделать его скульптурный портрет и уговорил Рубена Арамаисовича позировать. Когда работа была готова, он выставил бюст Григоряна на выставке в Манеже. Работа имела название: «Мыслитель».

В 1973 году Рубена Арамаисовича пригласили на десятилетний юбилей города Шевченко. Торжественное собрание проходило в концертном зале музыкальной школы. Самолет Григоряна запаздывал, решили начинать без него, большинство и не знали, что он должен появиться. Все уже расселись по местам, и тут Григорян вошел в заднюю

дверь, незаметно, тихо. Но его увидели, узнали, и по залу полыхнула новость: «Григорян прилетел, он здесь!» И тут весь зрительный зал поднялся и стоя приветствовал своего директора. Это были не просто аплодисменты – это были овации.

Помимо официального торжества были встречи в более тесном кругу. Р. А. Григоряна пригласили на дружеское застолье в специально оборудованную землянку на берегу Каспия. Все по очереди произносили тосты в честь Григоряна. И Рубен Арамаисович тоже произнес заключительный тост в честь хозяев. С бокалом в руке он сказал такие слова, которые всех поразили и всем запомнились: «Желаю нашему городу процветания вам всем успешной работы и крепкого здоровья, а себе – легкой мгновенной смерти от инфаркта». И все замолчали и растерялись немного, а потом протестующе зашумели, стали снова желать Григоряну здоровья. Но это запомнилось.

24 ноября 1976 года руководители ПГМК звонили в Москву и поздравляли Рубена Арамаисовича с днем рождения, желали здоровья. Ему исполнилось 59 лет. А на следующий день, 25 ноября, в первой половине дня, из Москвы сообщили, что Рубен Арамаисович скончался в машине по дороге на работу. Эта горькая весть поразила шевченковцев в самое сердце. Женщины не могли сдержать слез. Собралась официальная делегация от предприятия для поездки на похороны, многие поехали по своей инициативе.

Гроб с телом Рубена Арамаисовича Григоряна был выставлен для прощания в зале института. На похороны пришла вся коллегия министерства среднего машиностроения, чего раньше еще ни разу не случалось – таким уважаемым человеком помимо всех званий и наград был покойный. Похоронили Рубена Арамаисовича Григоряна на территории филиала Новодевичьего кладбища, расположенного рядом с Кунцевским кладбищем. Похоронили со скорбными, торжественными, искренними речами прощания. Газета «Вечерняя Москва» напечатала заметку о жизненном пути этого удивительного человека. А кто-то шепнул, что слышали по радио «Би-би-си»: «Умер король пустыни – Григорян».

20 декабря 2000 года в городе Шевченко – Актау состоялось торжественное открытие памятника Рубену Арамаисовичу Григоряну. Бронзовый бюст установлен возле здания бывшего управления ПГМК. Есть такое пророчество – пока стоит в Петербурге Медный всадник, будет стоять и город Санкт-Петербург. Проводя аналогию, думается, что дух Рубена Арамаисовича Григоряна хранит наш любимый город от всех несчастий и невзгод.

